

Ларше Ж.-К.

ЧТО ТАКОЕ БОГОСЛОВИЕ? МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ В ЕГО ПРАКТИКЕ И ПРЕПОДАВАНИИ

пер. с фр. Н. Петуховой, О. Арсеньевой,
С. Чернова, У. Рахновской, П. Доброцветова,
М. Вдовиченко, А. Вавиловой, В. Лепахина,
иерод. Иоанна (Ахматханова), С. Кузнецовой;
науч. ред. П. Доброцветова. М.: Паломник,
2021. 175 с. ISBN 978-5-87468-136-4

УДК 82-95 (271.2) (378.147)
DOI 000000

Переход системы духовного образования на реализацию государственных образовательных стандартов привёл к тому, что в рамках магистерских программ появился ряд дисциплин, которых в прошлом не существовало в духовных школах. В образовательные стандарты входят история и методология дисциплин специализации, поэтому в магистратуре по теологии появился курс «история и методология теологии». Однако потребность в появлении подобного курса вызвана не только требованиями образовательного стандарта, но и необходимостью определить место теологии в академической среде посредством прояснения того, в каком смысле теология является наукой и в чём состоит специфика богословского метода. Вопросы относительно места теологии в современной академической среде имеют широкий общехристианский контекст, однако работ, посвящённых анализу специфики богословского метода, мы можем найти не так много. Одним из фундаментальных трудов по методологии современного богословия стала работа канадского католического богослова Б. Лонергана «Метод в теологии»¹ (1972), переведённая на русский язык и до сих пор являющаяся практически единственной работой, детально рассматривающей специфику богословского метода. Неудивительно, что даже в западном богословии

1 Лонерган Б. Метод в теологии. М., 2010.

богословский метод продолжает оставаться скорее предметом дискуссии, нежели рекомендацией к тому, как следует заниматься теологией. Показательным примером является книга П. Аллена «Богословский метод: руководство для сомневающихся», в которой автор также признаёт, что занятие методологией теологии многим кажется подобным «стараниям по заточке ножа без какого-либо желания пользоваться им»². Отсюда становится понятным, что книга Ж.-К. Ларше «Что такое богословие? Методология православного богословия в его практике и преподавании» интересна не только тем, что является сама по себе уникальным явлением, но также тем, что открывает прекрасную возможность открыть дискуссию о методологии православного богословия у нас в России.

Во введении автор обосновывает необходимость появления такой книги, с одной стороны, интеграцией православного богословского образования в международную систему образования, а с другой — тем вызовом, который порождает данная интеграция, поскольку, по мнению Ж.-К. Ларше, введение католических и протестантских методик, а также методик, взятых напрямую из гуманитарных наук, оказало на православное богословие негативное воздействие (с. 11). При этом автор подчёркивает, что использование таких методик уже привело к упадку протестантизма и католицизма в последние десятилетия и может привести к потере самобытности православного богословия. Более того, автор подчёркивает, что методы, заимствованные у светского мира, ведут к релятивизму и агностицизму. Такое опасение автора отнюдь не связано с пренебрежением или отказом от достижений современной науки, скорее оно обусловлено желанием определить границы возможного использования современной научной методологии в православном богословии. Вопрос о границах очень важен, чтобы современное православное богословие развивалось органично в соответствии со своей внутренней спецификой, а не следовало слепо методологии других наук. Автор постоянно подчёркивает необходимость сохранения баланса между использованием современных научных методов и заботой о сохранении православной идентичности и уважения к Традиции (с. 15).

В первой главе «Богословие: истоки, развитие и формы» Ж.-К. Ларше проводит демаркацию различных смысловых акцентов, содержащихся в понятии богословия. Начиная с высшего смысла слова «богословие» как мистического единения с Богом в молитве, автор переходит к описанию форм, в которых богословие существует и действует

2 Allen P. *Theological Method: A Guide for Perplexed*. London, 2012. С. 1.

в Церкви: катехизической, апологетической и доксологической. Говоря о спекулятивном богословии, Ж.-К. Ларше делает спорное утверждение о том, что средневековое богословие не соответствовало ни одной из предыдущих целей богословия, становясь «индивидуальным проектом» богослова. Трудно согласиться с таким упрощённым взглядом, поскольку как бы мы ни относились к схоластам XII–XIII вв., их богословские суммы не были просто индивидуальными бесцельными проектами, но, как и в прежние времена, продолжали осуществлять катехизическую, апологетическую и доксологическую задачи. Тем более это справедливо в отношении догматических трудов греческих богословов XX века К. Андруцуса и П. Трембеласа, которые отнюдь не были исключительно философскими и спекулятивными по своему характеру, хотя и отражали общую приверженность схоластике православных богословов XIX–начала XX в.

Ж.-К. Ларше категорически не согласен с той формой, в которой православное богословие в XX–начале XXI века взаимодействовало в лице конкретных богословов с философскими и социально-политическими течениями, зачастую интегрируя в своё содержание чуждые ему по природе элементы. В то же время он полагает, что богослов, занимающийся апологетикой, должен иметь философское образование, однако цель этого образования должна быть ограничена лучшим пониманием «мыслей еретиков» (с. 27), а отнюдь не попыткой диалога с современной философией. Автор полагает, что такие попытки диалога оказались несостоятельными, а потому считает необходимым провести чёткую линию демаркации, отделяющую богословие от философии. Эта линия демаркации проведена вполне убедительно, однако она может быть законной только тогда, когда мы говорим о богословии Откровения, но такая линия демаркации начинает стираться, когда мы говорим об апологетике. Этой трудности автор предпочёл не замечать.

Проводя линии демаркации между богословием, с одной стороны, и философией и литературой, с другой, Ж.-К. Ларше ставит важный вопрос о соотношении верности Традиции и возможности творчества в богословии, который актуален сегодня как никогда. Автор признаёт, что понимание вероучения Церкви не является простым механическим процессом, верность Преданию не является просто приверженностью прошлому, и признаёт, что в истории богословия содержание веры весьма часто выражалось с помощью новых для конкретной эпохи понятий. Творчество, по мнению Ж.-К. Ларше, не затрагивает самого

содержания веры, а только её выражение (с. 35). Богословие хотя и использует зачастую философскую терминологию, однако «переваривает» её. Сложно согласиться с этим тезисом до конца, ибо «переваривание» может оказаться длительным, иногда многовековым процессом, однако Ж.-К. Ларше полагает, что в прошлом такое переваривание было, и было успешным, но любые попытки богословского творчества сегодня обречены на провал.

Говоря о духовных условиях для богословствования, автор подчёркивает, что богословие существует в Церкви и для Церкви, это особый вид церковного служения Богу и людям, а потому богослову необходимо смирение не только как добродетель в практической христианской жизни, но и как определённый вид интеллектуального смирения, которое предполагает глубокое осознание собственной ограниченности перед той Тайной, которую Бог открывает в учении Церкви. Ортодоксия и ортопраксия не могут быть отделены друг от друга (с. 39). Однако вряд ли можно утверждать, что такова специфика методологии только православного богословия. В своих работах Б. Лонеран и П. Аллен подчёркивают, что ортопраксия и ортодоксия всегда были и должны быть неразрывно связаны друг с другом, что было в древности выражено в известной формуле «*lex orandi — lex credendi*», то есть «правило молитвы есть правило веры».

Возникновение и развитие школьного богословия автор в общем оценивает отрицательно, объясняя негативное отношение католическим и протестантским влиянием на православное богословие, фрагментацией самого богословия на множество дисциплин, чего не существовало у святых отцов Церкви. При этом богословие сравнивается с медициной совершенно неудачным образом: «В конце концов мы перестали видеть связь одних органов с другими и больше не воспринимаем организм как единое целое» (с. 43). Если считать эту критику справедливой по отношению к медицине, то следует обратиться вместо современных медицинских учреждений к сочинениям Галена и Гиппократов, а также использовать гуморальную теорию, поскольку она явно рекомендуется в сочинениях прп. Иоанна Дамаскина. Используя обратную логику, можно сказать, что фрагментация медицины на различные области специализации не рассекает медицинское знание так, что за ним перестаёт видеться сам человек, поэтому и фрагментация богословия на отдельные дисциплины не рассекает богословского знания, поскольку в любой из богословских дисциплин подчёркивается её неразрывная связь с остальными.

Критикуя западное богословие, автор считает негативными тенденции подчинения богословия научным стандартам, его лаицизацию и секуляризацию, однако в конечном итоге приходит к внутренне противоречивой позиции. С одной стороны, очевидно, что использование научных методов, например в библеистике, позволяет вполне аргументированно утверждать, какие тексты в имеющейся рукописной традиции являются аутентичными, а какие являются предметом интерполяции. Учёт результатов таких исследований является обязательным для богослова. Это касается и других дисциплин. Очевидно, что успех определённых научных методов является основной причиной того, почему эти методы используются за рамками тех дисциплин, в которых они возникли изначально. В то же время следует признать, что опасения автора, связанные с секуляризацией теологии, являются отчасти оправданными. Общенаучные методы исследования являются вспомогательными инструментами для богослова, но они не могут выступать в качестве методологии, на основании которой можно делать суждения онтологического характера. Онтология определяется объектом исследования, а не теми данными, которые получены исключительно с использованием одного из возможных способов познания этого объекта.

Вторая глава книги «Полезность научных методов в богословии» посвящена тому, чтобы обозначить границы и возможные рамки использования научных методов в богословских исследованиях. Библиографическое исследование является важнейшим этапом любой работы, и автор книги уделяет этому особое внимание. К сожалению, здесь не обошлось без странных стереотипов и предубеждений. Так, автор совершенно ошибочно полагает, что в России качество научного исследования определяется количеством пунктов в библиографии (с. 51). Это, конечно, не так, хотя проработанность литературы по теме исследования является одним из признаков тщательности и серьёзности подхода автора. Столь же спорны суждения автора в отношении использования критических изданий текстов. Автор считает, что ссылки на «Патрологию» Миня сегодня неуместны и могут рассматриваться просто как дань памяти, однако если мы посмотрим на западные исследования последних двадцати лет, то можем увидеть, что ссылки на патрологию Миня никуда не исчезли из научной литературы и присутствуют в ней наряду с цитатами из современных критических изданий.

Говоря об исторической критике, Ж.-К. Ларше справедливо подчёркивает, что факты не существуют вне интерпретации исследователя, вне той парадигмы, которую он воспринимает как верную, зачастую

делая это неосознанно в силу принадлежности к определённому сообществу исследователей. В то же время автор признаёт, что историческая критика позволяет избегать принятия заведомо ложных интерпретаций. Ж.-К. Ларше также признаёт необходимость использования рациональной аргументации в богословии, что является неотъемлемой частью апологетической функции богословия.

Последующие главы книги обращены к специфике и методам конкретных богословских дисциплин. Как видим, автор не избежал традиционного дисциплинарного деления богословия и понимает его необходимость и практическое удобство. В книге, посвящённой методологии богословия, ожидаешь встретить хотя бы некоторое описание того, какие методы используются в каждой из дисциплин, какие трудности стоят перед богословом в использовании этих методов, где пролегают границы применимости конкретной методологии и т.д. Однако в главе III «Догматическое богословие» мы этого не находим, зато находим критику миссионерского проекта «Академия веры» (с. 62). Очевидно, что цели и задачи любого миссионерского проекта — это адаптация христианского послания для той аудитории, к которой обращена миссия. Адаптация всегда является рискованным предприятием, поскольку с неизбежностью предполагает упрощение, иногда значительное, того послания, которое необходимо донести до слушателей. Столь же неуместной является и критика интереса ряда православных богословов к направлению «новая теология» в католичестве и «радикальная ортодоксия» в протестантизме. Во-первых, само направление «новая теология» стало проектом, который способствовал развитию патрологических исследований на Западе. Издание серии «Sources Chrétiennes», как известно, было инициировано представителями этого направления (напр., А. де Любаком и А. Буйяром), которые в своих богословских работах подчёркивали необходимость актуализации святоотеческого наследия и невозможность ограничиться возвращением только к эпохе схоластики. Во-вторых, изучение инославного богословия позволяет нам самим глубже понять собственно православное богословие и иметь возможность ответить на те вызовы, которые сегодня перед ним стоят, избегая чужих ошибок.

Четвёртая глава «Священное Писание и его экзегеза» следует той же линии рассуждений, а потому неудивительно, что в ней есть особый параграф о вредоносном характере протестантской и католической экзегезы. Ж.-К. Ларше обрушивается на текстуальную критику всем своим риторическим пафосом, однако остаётся совершенно непонятно,

почему историко-филологические исследования допустимы в патрологии и недопустимы при изучении Священного Писания. Главную проблему Ж.-К. Ларше видит в уничтожении авторитета текста, однако на самом деле проблема не в этом, а в том, насколько можно считать надёжными или научно обоснованными выводы по конкретным книгам Священного Писания или отдельным главам. Очевидно, что в каждом случае ответ будет различным. Автор упрекает протестантских и католических исследователей «в избытке историзма», однако очевидно, что уровень «избыточности» является исключительно субъективной оценкой. Изучение языка Священного Писания открывает глубокую укоренённость текстов в конкретных исторических обстоятельствах, а потому современный экзегет не может игнорировать этого контекста. Автор приводит в качестве аргумента против историзма примеры противоречивых суждений учёных о Песни песней и псалмах Давида, но вместо дальнейшего анализа аргументов и выявления наиболее обоснованных точек зрения предлагает парадоксальным образом вообще отказаться от рассмотрения этих вопросов как ничего не значащих по сравнению с духовным смыслом. Однако в таком случае автор явно отдаёт предпочтение лишь одной — доксологической функции богословия, пренебрегая функцией апологетической. Очевидно, что апологетическая функция так же важна и не может быть игнорируема. Столь же сомнительной является высказанная Ж.-К. Ларше точка зрения об абсолютной бесполезности изучения еврейского языка для понимания Библии. (с. 79–80). В результате автор выделяет два главных отвлекающих результата западной библеистики: разрушение целостности Писания и разрушение его авторитета. К сожалению, линия аргументации в этих разделах построена по принципу «или-или»: или Священное Писание является обусловленным культурно-исторически, или богодухновенным. Ларше не предполагает возможности существования третьей, объединяющей, точки зрения на Священное Писание по принципу «и-и»: Священное Писание является богодухновенным Словом Божиим, выраженным на человеческом языке и в понятиях той (или тех) культуры, к которой оно было обращено первоначально. Такое понимание никак не подрывает авторитета Писания, не умаляет уважения к его достоинству и не требует тех высокопарных слов, которые приводит Ж.-К. Ларше в завершение этой главы, стремясь показать особый православный подход к Священному Писанию. Деление по принципу «или-или» делает невозможной апологетическую функцию богословия, однако Ж.-К. Ларше не желает этого замечать.

Ж.-К. Ларше с особым вниманием относится к вызовам, которые сегодня стоят перед православной патрологией ввиду её тесного взаимодействия с западными исследованиями, которые зачастую видят в святых отцах Церкви лишь представителей конкретных эпох прошлого, не имеющих отношения к сегодняшнему дню. В то же время автор подчёркивает, что опасность проистекает от «дурного цитирования» святых отцов, когда их высказывания или суждения вырываются из контекста ради отстаивания собственных взглядов. Однако особенная трудность возникает при обращении к святоотеческому наследию в случае попытки разрешить вопросы, которые не рассматривались отцами напрямую. Ж.-К. Ларше критикует западный структуралистский подход, акцентирующий внимание на различиях, которые определяют место конкретного феномена в структуре, и игнорирующий сходства, которые выражены в общей структуре мышления отцов Церкви. Говоря об актуальности наследия отцов Церкви для православного богословия, Ж.-К. Ларше, однако, сожалеет о «модернистском» влиянии, проявившемся в сокращении объёма часов по патрологии в православных учебных заведениях (с. 101). Вряд ли здесь уместно говорить о модернизме, поскольку сегодня в русском православном богословии никто не считает, что наследие отцов Церкви является неважным для современности или неактуальным. Автор сетует на критику благочестия среди православных богословов России, что также несправедливо, поскольку главным аргументом являются ироничные упоминания в блогах (с. 103).

Говоря о методологии патрологических исследований, автор постоянно подчёркивает необходимость чтения текстов самих отцов Церкви, чтобы иметь возможность погружаться в их образ мышления и не зависеть от более поздних богословских интерпретаций, которые зачастую накладываются априори на понимание мысли отдельных отцов Церкви и искажают её. В то же время попытки Ж.-К. Ларше утверждать ограниченность применимости историко-филологических и иных научных методов вряд ли могут считаться обоснованными только на том основании, что они приводят к агностицизму и уведут от благочестия. Очевидно, что в своём отношении к современным научным методам Ж.-К. Ларше непоследователен и за каждым подобным высказыванием скрывается внутренний конфликт, который автору не удалось преодолеть.

В главе VI «История Церкви» автор справедливо подчёркивает, что «история Церкви определяется тем, каково наше видение Церкви,

её природы, её структуры, направления развития и т.д.» (с. 119). Это особенно важно понимать сегодня, когда зачастую разрабатываются новые «постструктуралистские» подходы к экклезиологии, зачастую акцентирующие слишком большое внимание на земном характере множества церковных установлений и игнорирующие (или умалчивающие) о действии Святого Духа в Церкви. Ж.-К. Ларше подчёркивает, что методы исторической науки являются полезными для оценки качества источников, восстановления фактологии и т.п., но они не способны дать нам понимания и объяснения «...фактов, их взаимосвязей и их значений, которые не могут быть отделены от самосознания, существующего в Православной Церкви» (с. 122).

В главе VII «Нравственное богословие и биоэтика» Ж.-К. Ларше даёт краткий обзор современных проблем биоэтики, которые, как он полагает, необходимо разрешать «в духе святых отцов Церкви», однако ввиду краткости данной главы не предлагает конкретных решений, а просто проводит различие между православной, католической и протестантской биоэтикой.

В главе VIII «Агиология» автор сетует на отсутствие этой дисциплины в западных и многих православных учебных заведениях, но далее он называет основные причины, по которым агиология не вызывает доверия у современного человека: «благочестивая ложь», преувеличения и т.п. (с. 134). Ж.-К. Ларше называет подобные «преувеличения» контрпродуктивными, однако забывает о том, что именно критический анализ подобных преувеличений привёл к тому, что агиология исчезла из западных богословских учебных заведений. Подчёркивая принцип: «истина требует, чтобы мы молчали в отношении того, чего не знаем» (с. 136), автор понимает, что последовательное использование этого принципа с неизбежностью приведёт к полному удалению житийных историй, оставив только имя и время кончины святого. Однако такой подход неосуществим на практике, поскольку в этом случае придётся «стереть» и многие богослужебные тексты, опирающиеся на житийные повествования.

Глава IX «Иконология» подчёркивает теоретическую и практическую необходимость отделения канонической иконы, выражающей собой богословскую истину, от неканонических изображений, широко представленных в православных храмах. Хотя Ж.-К. Ларше и не высказывает крайних взглядов, он полагает, что неканоническим изображениям, даже освящённым традицией и благоговейным почитанием, всё-таки не место в православных храмах (с. 146). Позиция Ж.-К. Ларше вполне

понятна, поскольку он желает, чтобы всё соответствовало Священному Преданию Церкви, однако остаётся фактом, что неканонические изображения благоговейно почитаются миллионами верующих и не могут быть устранены из наших храмов.

Глава IX «Изучение канонов» является самой короткой во всей книге и не отражающей современного состояния канонического права в Православной Церкви. Ж.-К. Ларше лишь кратко высказывается о том, что церковное право отличается от светских правовых систем, поскольку главная задача канонов — духовное благо Церкви и человека, его спасение, а не наказание правонарушения само по себе.

Глава X «Пастырское богословие и гомилетика» посвящена практическому богословию, которое столь же необходимо в Церкви, как и другие разделы богословия. Однако Ж.-К. Ларше, очевидно, смешивает пастырство, педагогическую деятельность и миссионерство, в результате чего обвиняет современных православных проповедников в чрезмерно упрощённом христианстве (с. 154). Следует подчеркнуть, что миссионерство всегда предполагает использование некоторого промежуточного, то есть упрощённого в определённом смысле, языка, чтобы попытаться транслировать положения христианства для аудитории, которая с ним мало или совсем не знакома. Миссионерство всегда предполагает риск остаться не понятым либо аудиторией, либо братьями по вере, что мы можем видеть в жизни многих миссионеров прошлого, начиная с апостола Павла. Неудивительно, что Ж.-К. Ларше обрушивает в этой главе всю мощь своей критики на миссионерские проекты, например «Академию веры», которые он считает еретическими, релятивистскими и неприемлемыми (с. 171–172). Проблема, однако, состоит в том, что Ж.-К. Ларше, вероятно, никогда не имел в своей жизни такого этапа, как переход от атеизма к вере, а потому в принципе не может понять и принять того, что интерес к религии у молодого человека может быть разбужен самыми неожиданными средствами. Миссионерство, чтобы быть успешным, необходимо должно использовать самый широкий спектр подходов, чтобы *спасти, по крайней мере, некоторых* (1 Кор. 9, 22). Очевидно, что упрощённые подходы не являются заданными раз и навсегда, от упрощённых моделей человек, двигаясь путём веры, постепенно переходит к более серьёзному и осмысленному пониманию своей веры, но для этого необходим некоторый старт, начало, которое заинтересует область религиозной веры.

В заключение следует сказать, что книга Ж.-К. Ларше, написанная простым и понятным языком, не сможет оставить равнодушным

никого, кто вовлечён в практику богословия. Проблемы, поставленные в книге, действительно существуют, они не являются сконструированными искусственно и действительно требуют решения. Однако зачастую решения, предлагаемые Ж.-К. Ларше, далеки от ясности либо являются спорными, выражающими лишь одну из возможных точек зрения. Книга действительно отвечает на вопрос: что такое богословие в православном понимании? — однако подзаголовок книги вряд ли соответствует содержанию книги, собственно методология православного богословия остаётся неразработанной. Книга содержит множество повторов одних и тех же мыслей автора, который постоянно колеблется между необходимостью признать полезность научных методов в практике богословия и необходимостью сохранить автономию богословия от других дисциплин. Однако такая автономия может быть сохранена только при условии ясной формулировки собственно богословской методологии.

Библиография

Allen P. Theological Method: A Guide for Perplexed. London: T and T Clark, 2012.

Лонерган Б. Метод в теологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

Протоиерей Дмитрий Кирьянов

кандидат богословия
кандидат философских наук, доцент